

Сенсационными разоблачениями сегодня никого не удивишь. Но среди множества броских материалов заметно выделяется мемуарный очерк Е. Евтушенко «Фехтование с навозной кучей», помещенный недавно в двух номерах «Литературной газеты».

ВРЕМЕНА хрущевской «оттепели», неуклюжие попытки лидера страны приструнить творческую интеллигенцию, картинки тогдашних литературных нравов — вот о чем спустя тридцать лет вспоминает Евтушенко. Ностальгическая во многом публикация, ибо размышляет поэт о своей молодости, а она видится ему сквозь волшебную призму времени на редкость достойной, чуть ли не героической. Ибо в те дни, под стать легендарному Сирано де Вержераку, он неустанно сражался с разными негодаями — с приспосаблившимися от литературы, бездарными чинушами и шовинистами от политики.

Общий стиль воспоминаний вполне характеризует следующая короткая выдержка: «Торжествующий вой камарильи подержал хамство своего вообще-то ненавидимого, презираемого, но в этот момент обожаемого пахана: — Вон! Вон!» (изображается кульминационный эпизод из так называемой беседы Н. С. Хрущева с творческой интеллигенцией). Других красок для воссоздания времени и среды я лично в мемуарном очерке не обнаружил. «Мария Павловна Прилежаева... завизжала с трибуны... подлейшую роль сыграл Леонид Соболев... с дешевой театральной восклицательной Федин...» — в таком густом письме нет места для определений иного порядка, кроме как рассчитанных на отвращение. Насколько достоверна созданная поэтом картина, пусть судят и поныне живущие участники давних событий. Я высказываю лишь читательское недоверие к изобразительному стилю. Но что меня больше всего изумило в новом фейерверке Евтушенко — так это его откровения о М. А. Шолохове. Они прямо-таки ошеломляют новизной, вбирают в себя все особенности неповторимого авторского стиля.

Встреча Евтушенко с «живым классиком» происходила в ту пору, когда поэт подвергся ужасным преследованиям в связи с одной из своих бесчисленных публикаций в центральной прессе. Гонения выразились в следующем: «В 1961 году газета «Литература и жизнь» напала на мое стихотворение «Вабий Яр» стихами А. Маркова, а затем статьей Д. Старикова, в которой он расправился со мной при помощи ссылок на Шолохова и других писателей». Перенести столь возмутительную расправу демократичный поэт, конечно, не мог. Пытаясь взять реванш над супостатами, решил

обратиться за помощью к самому Шолохову. То-то были бы посрамлены Марков и Стариков, если бы им дал отповедь сам Михаил Александрович!

Звонок Шолохову, правда, — поступок не в духе Сирано де Вержерака, но классик отозвался и пригласил обиженного к себе. И хотя вскоре потряс его «циничной логикой», надутым псевдовеличием («о себе он говорил исключительно в третьем лице»), все-таки романтический поэт ушел от него «окрыленным», ибо «сам Шолохов обещал защитить мой «Вабий Яр», выступить против бюрократов, шовинистов, антисемитов».

Обещать-то обещал, да не выступил. Потом опальный поэт познакомился с текстом речи, произнесенной писателем на партийном съезде, — той самой речи, которую Евтушенко с таким нетерпением ждал. И что же? Классик не оправдал надежд. Ибо «никакой защиты «Вабьего Яра» там и в помине не было». Представляете, как разгневался на Шолохова наш обличитель? Я хочу сказать, можете ли вы вообразить всю сокрушительную мощь его негодования? Если нет, напомню, что эту взрывчатку поэт берег и лелеял в себе тридцать лет, пламенно веря, что час расплаты наступит. Уже и годы прошли после кончины Шолохова (кстати, единственного свидетеля описанного поэтом разговора), но Евтушенко еще почему-то медлил, почему-то не решался совершить над памятью классика акт благородного возмездия. Решился лишь теперь, когда современный вандализм воюет из-за угла с памятниками. Тут-то «злой мальчик», сидящий в душе Евтушенко, определил: время пришло. И высказался на полную катушку.

За что только не честит поэт-фехтовальщик не оправдавшего надежд классика! Что там «дешевая театральщина» Федина или «визг» Марии Павловны Прилежаевой перед красками, которыми создается портрет Шолохо-

ва! Тут и «огромное, белое здание с колоннами, окруженное сплошным забором» (то есть дом в Вешках, где жил писатель), и сложная пропускная система в доме (жена, милицкий пост, личный секретарь). Вся биография Шолохова одним махом вывернута наизнанку и выставлена напоказ в неприглядном виде: «Во время сталинских чисток он выступил с одобрением беспощадных расправ...» Ну и так далее — по этапам нашей каторжно трудной истории. Само творчество классика Евтушенко подвергает теперь решительному пересмотру. Правда, читая воспоминания, узнаем, что некоторые образы автору «Тихого Дона» все-таки удались («Григорий Мелехов, Аксинья, Пантелей Прокофьевич, да и сам тихий Дон — это великие образы...»), но, любя правду-матку, гневный поэт всыпает классика за «искусственность образов большевиков» по

тийной конференции сумел бросить беснующейся палаческой шпане мужественные слова правды? А ведь ему (думаю, понятно без объяснений) грозила за это отнюдь не командировка на Кубу! Знает ли Евтушенко, что автор «Тихого Дона» однажды спас от голодной смерти целый район, написав Сталину смелое письмо о том, что творится в Вешках с хлебопоставками? А как расценивает публицист усилия Шолохова, сумевшего вернуть из-за колючей проволоки сосланного сына Андрея Платонова? Приходило ли в голову Евтушенко (хотя бы мимоходом), какие душевные бури и разломы выпали на долю донского классика?

Смешно защищать бессмертные творения Шолохова от выпадов такого правдолюбца. Но все-таки: помнит ли Евтушенко, что своим рассказом «Судьба человека» «профессионально деградирующий» писатель сумел пере-

Причем всевозможных. Но чтобы Шолохов пыжился, как индюк, называя себя в третьем лице, — не слышал ни разу. Как и о том, что он перед кем-то заискивал. В те времена, когда инженеры человеческих душ изодрались в сооружении художественных вавилонов во славу Сталина, вешенский упрямец писал о горьком своем Отечестве. Отец народов пощадил этот могучий талант, по-видимому, строя насчет него большие планы: этот увековечит достойно. Ждать вождю пришлось долго — не дождался... Как, впрочем, и последующие лидеры.

После кончины Шолохова я побывал в усадьбе, которая так поразила воображение Евтушенко. И должен заметить, по размерам она ничуть не больше некоторых писательских дач в Переделкино или на Кавказе. Обстановка комнат меня, правда, удивила, но не пышностью, а ка-

общенародную трагедию. А ведь тогда вся охваченная революционным пылом художественная словесность прославляла и воспевала ее героиню. Скажете, зачем повторять общеизвестное? Чтобы никого не «идеализировать как личность». А тем более — не чернить. Чтобы помнить о творческих подвигах и относиться к ним хотя бы с должным уважением.

Но вернемся к сути описанной Евтушенко встречи. Если отбросить убийственные оценки, которые одну за другой выдает автор Шолохову, если оставить голые факты (обещал выступить — не выступил) и если вдобавок поверить, что они соответствуют истине, какой же напрашивается вывод? Великий писатель не откасался от знакомства с молодым напористым посетителем — решил, очевидно, узнать его поближе. Но, узнав, почему-то не принял его всерьез. Чем-то гость определенно хозяину не понравился. И Шолохов поспешил от него поскорее отделаться (увы, это дает теперь повод Евтушенко негодовать, что его в доме не накормили). Но кто их знает, этих «уникальных художников», этих таинственных провидцев, — а вдруг Шолохов разглядел в госте будущего автора «Фехтования с навозной кучей»?

В одном я с Евтушенко согласен: действительно, «горько об этом писать». Это он верно подметил — насчет профессиональной деградации писателя, если тот преступает законы нравственности. Но с Шолоховым, кроме нашего фехтовальщика, встречались, к счастью, сотни и тысячи разных людей. Виделся, в частности, и Василий Макарович Шукшин — огромное впечатление! «Я не имел никакого представления о жизни Шолохова в Вешенской. Он открылся мне в реальном земном свете, как труженик в литературе. И я еще раз убедился, что в своей жизни занимаюсь не свойственным для себя делом, распыляюсь, растрчиваю силы — сразу во многих направлениях. Сейчас необходимо подумать о коренном переустройстве своей жизни. Кое с чем придется распрощаться — с кино, театром, актерством, а может быть, и с московской квартирой... Суета! Суетное стремление ухватить от всего понемножку — вот что руководило мной. А эта суета губит...»

Как видим, Шукшина живой классик тоже потряс, но несколько иначе, чем Евтушенко. Совесть Шукшина был пристыжен великим примером «летописца» Шолохова, а Шукшину ли было чего-то в себе стыдиться? Но каждому — свое, как говорили древние: известна ведь и яростная убежденность Шукшина в том, что «нравственность есть Правда».

Леонард ЛАВЛИНСКИЙ.

Фехтование с классиком

Евтушенко — о Шолохове

Правда — 1991 — 25 февр.

винистов, антисемитов». Обещать-то обещал, да не выступил. Потом опальный поэт познакомился с текстом речи, произнесенной писателем на партийном съезде, — той самой речи, которую Евтушенко с таким нетерпением ждал. И что же? Классик не оправдал надежд. Ибо «никакой защиты «Вабьего Яра» там и в помине не было». Представляете, как разгневался на Шолохова наш обличитель? Я хочу сказать, можете ли вы вообразить всю сокрушительную мощь его негодования? Если нет, напомню, что эту взрывчатку поэт берег и лелеял в себе тридцать лет, пламенно веря, что час расплаты наступит. Уже и годы прошли после кончины Шолохова (кстати, единственного свидетеля описанного поэтом разговора), но Евтушенко еще почему-то медлил, почему-то не решался совершить над памятью классика акт благородного возмездия. Решился лишь теперь, когда современный вандализм воюет из-за угла с памятниками. Тут-то «злой мальчик», сидящий в душе Евтушенко, определил: время пришло. И высказался на полную катушку.

За что только не честит поэт-фехтовальщик не оправдавшего надежд классика! Что там «дешевая театральщина» Федина или «визг» Марии Павловны Прилежаевой перед красками, которыми создается портрет Шолохо-

ва! Тут и «огромное, белое здание с колоннами, окруженное сплошным забором» (то есть дом в Вешках, где жил писатель), и сложная пропускная система в доме (жена, милицкий пост, личный секретарь). Вся биография Шолохова одним махом вывернута наизнанку и выставлена напоказ в неприглядном виде: «Во время сталинских чисток он выступил с одобрением беспощадных расправ...» Ну и так далее — по этапам нашей каторжно трудной истории. Само творчество классика Евтушенко подвергает теперь решительному пересмотру. Правда, читая воспоминания, узнаем, что некоторые образы автору «Тихого Дона» все-таки удались («Григорий Мелехов, Аксинья, Пантелей Прокофьевич, да и сам тихий Дон — это великие образы...»), но, любя правду-матку, гневный поэт всыпает классика за «искусственность образов большевиков» по

первое число. Не знаю, как читателей, а меня такая мера критической объективности растрогала почти до слез. Зато остальные произведения Шолохова заслужили у поэта весьма суровую оценку: «Профессиональная деградация Шолохова — поучительный пример всем художникам, как безнравственность в искусстве неумолимо переходит в де-профессионализацию». Далее, продолжая фехтовать, поэт добавляет автору «Тихого Дона» еще такую аттестацию: «провинциальное чванство перед слабыми и заискивание перед сильными мира сего, наконец, доведенное до прямых призывов к убийству».

Вот так-то, без излишних для обличителя доказательств (с помощью, правда, двух-трех надерганных цитат) взял наш трибун да и пригвоздил «мелкого человечку» — Шолохова. Две-три цитаты — и долой всенародную любовь и мировое признание. Все-таки любопытно: рисуя вместо Шолохова то ли кровавого дегенерата, то ли самодовольного деятеля из закорюченного райпотребсоюза, — на что Евтушенко рассчитывал? Задумался ли хоть раз над тем, что созданный образ так же похож на свой прототип, как нынешний непотопляемый публицист на честного Сирано? Вспомнил ли о том, что «во время сталинских чисток» молодой Шолохов на пар-

ломить варварскую жестокость системы в отношении ко многим тысячам наших воинов, оказавшихся в фашистском плену?

Да неужто серьезный поэт столь невысокого мнения о своих читателях, что думает, будто они не знают творчества Шолохова, слыхом не слыхивали о фактах его жизни и могут поверить в любую прогрессивно-развистую клюкву о писателе? Когда над памятью Шолохова изгаляется сексуально озабоченный однофамилец из ленинградского телеканала «Пятое колесо», это меня мало волнует. Что ж, думаю, может, этому парню до смерти хочется остаться в истории. Если других способов нет, то и геростратовский сгодится. Но когда за кисть с дегтем берется известный поэт, чьи книги при всех режимах выходили с регулярностью настенных календарей, это надо понять. Это ведь не бывает просто так, ни с того ни с сего...

Скажу о себе. Дон — моя родина. Там я вырос и прожил полжизни. Лично знаком с Шолоховым не был и встретиться не пытался. Но многие ростовские литераторы старшего поколения частенько бывали у него в гостях. Так что рассказов о хозяине пресловутого белоколонного «здания» (кстати, постройка деревняная, и столбы, подпирающие балкон, трудно назвать колоннами) наслушался вдоволь.

кой-то старомодно аскетичной простотой. В одной из них, впрочем, вдоль стены стояли на полках многочисленные подарочные вазы и чаши, полученные писателем в дни юбилея и во время зарубежных поездок. Тут же, помнится, находился и его любимый сувенир — кукла, изображающая деда Шукаря в полной казацкой форме.

— Человек редкого мужества, — говорили о Шолохове старичники. — И много-много чего переживал в жизни. С тех самых пор, как совсем юного паренька-продотрядовца вели на расстрел белые. (Потом собирались пустить в расход и красные: за то, что сердобольный инспектор продотряда своей властью скопил кому-то непосильный налог).

Слышал я по станице и такие толки: Шолохов построил здешнюю школу, Шолохов дал деньги на детсад, Шолохов потребовал от обкома... Но словечка «спонсор» тогда в ходу не было, и; стало быть, современных публицистов это заинтересовать не может.

Да, автор «Тихого Дона» был плоть от плоти своего времени — эпохи кровавых классовых схваток и социальных, мучительно долгих разочарований. Но зато он первый в советской литературе и единственный с такой потрясающей силой показал нашу гражданскую войну как